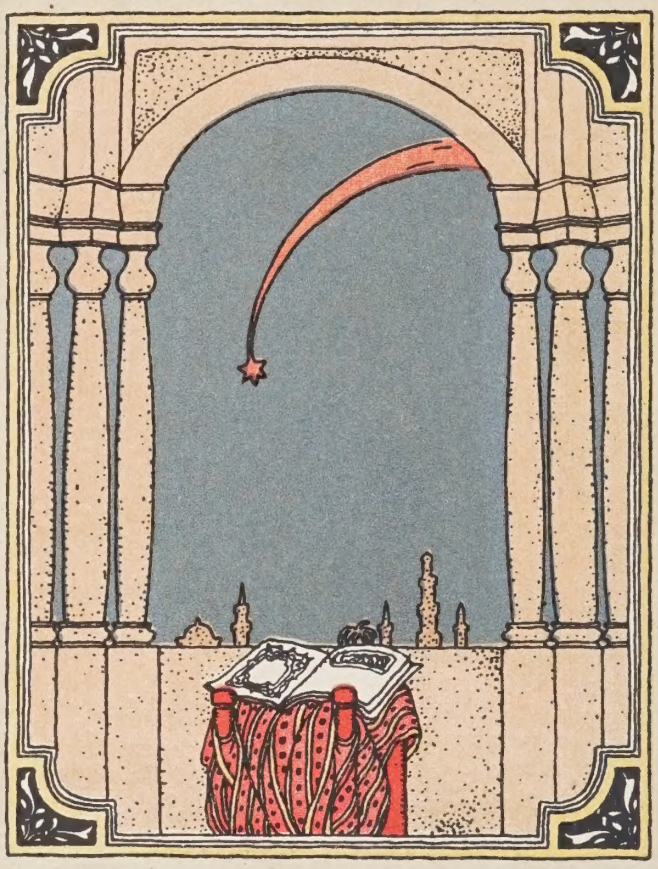
ЖИЗНЬ АЛЬМАНСОРА

СОЧ. В. ГАУФЪ.

Рис. Д. Митрохина.

ИЗД. І. Н. КНЕБЕЛЬ.
МОСКВА



Д. Митрохинъ.

BKS/PROD Books PAR CJPA92-B11784 Acquisitions CJPA-DW
Record 1 of 0 - Record added today

Hauff, Wilhelm, 1802-1827.
[Geschichte Almansors. Russian]
Zhizn_ Al_mansora / soch. V. Gauf ; ris. D. Mitrokhina. Moskva : Izd. _I. Knebel, [1912?]
[12] p. : col. ill. ; 31 cm.

LDA: SPECIAL NC 985.5 M68
ID: CJPA92-B11784 CC: 9668 DCF: ?

- -

UID 92-B11784-1 UTYP DZ LSI CPST ALL 04/29/92 UST P
QTY 1 SID JME CURR LPRI
SUPN A. Rabinovich
REC 04/29/92 MAIN

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/zhiznalmansoraso00hauf

ЖИЗНЬ АЛЬМАНСОРА

Я разскажу вамъ похожденія моего друга Альмансора.

Альмансоръ былъ сыномъ знатнаго вельможи въ Египтѣ. Въ дѣтствѣ онъ не былъ избалованъ и изнѣженъ; отецъ его былъ умный человѣкъ и заботился о воспитаніи сына. Альмансору было около десяти лѣтъ, когда вспыхнула война съ французами. Отецъ его казался французамъ ненадежнымъ, и въ видѣ залога они требовали отъ него жену его; когда же онъ не согласился на это, они увели его маленькаго сына во французскій лагерь и тамъ оставили. Ему недурно было жить, потому что самъ начальникъ призывалъ его къ себѣ, говорилъ съ нимъ черезъ переводчика, заботился о мальчикѣ. Но, несмотря на все это, Альмансоръ скучалъ и рвался домой. Онъ тосковалъ по отцѣ и матери, плакалъ цѣлыми днями, но слезы его никого не тронули. Войско переходило съ мѣста на мѣсто; Альмансора обнадеживали, что его отвезутъ къ отцу, что держатъ его только временно въ видѣ залога, но время шло, а Альмансоръ все-таки не видѣлъ своего отца. Вдругъ въ лагерѣ поднялась тревога. Заговорили объ отступленіи, о посадкѣ на корабли. Ночь наступила, и мальчикъ задремалъ; когда же онъ проснулся, то лежалъ въ какой-то крошечной незнакомой комнаткѣ. Онъ всталъ и хотѣлъ итти, но все подъ нимъ качалось, онъ едва держался на ногахъ. Добравшись по стѣнѣ до двери, онъ вышелъ изъ комнаты, поднялся по лѣстницѣ и — о ужасъ! — кругомъ него была лишь вода и небо! Его обманули, увезли отъ отца, отъ матери! Онъ хотѣлъ броситься въ море, но французы удержали его.

Dr Mustapha
1912

сказавъ, что его скоро отвезутъ къ отцу, а иначе онъ навсегда останется у нихъ. Но они не сдержали слова. Долго плыло судно и, наконецъ, пристало къ берегамъ Франціи. Между тѣмъ, Альмансоръ уже научился нѣсколько понимать ихъ языкъ, что́ ему пришлось очень кстати тамъ, гдѣ никто не зналъ его языка. Послѣ долгаго пути, они прибыли въ большой городъ, гдѣ Альмансоръ былъ порученъ и отданъ на воспитаніе какому-то врачу, начавшему учить мальчика европейскимъ обычаямъ; онъ одѣлъ его въ узкое и неловкое платье, запретилъ ему кланяться, скрестя руки, а вмѣсто того приказывалъ одной рукой снимать съ головы шляпу, а другую прижать къ себѣ и шаркнуть ногой. Онъ не смѣлъ сидѣть, поджавъ ноги, а долженъ былъ влѣзть на высокій стулъ и спустить ноги внизъ. Съ кушаньемъ было также большое затрудненіе: всякій кусокъ надо было напередъ насадить на желѣзную вилку и потомъ съ нея уже въ ротъ. Альмансоръ вовсе не смѣлъ говорить на своемъ языкѣ, а только по-французски; пожалуй, онъ позабылъ бы родной языкъ, если бы не одинъ ученый, жившій въ томъ же городѣ. Это былъ человѣкъ пожилой, знавшій многіе восточные языки: арабскій, персидскій, китайскій и другіе. Вотъ онъ то призывалъ къ себѣ нѣсколько разъ въ недѣлю маленькаго Альмансора и угощалъ его дорогими и рѣдкими блюдами. Мальчику казалось, будто онъ снова дома. Старикъ велѣлъ даже сшить ему платье, какое носятъ вельможи египетскіе, и каждый разъ, какъ Альмансоръ къ нему приходилъ, онъ напередъ одѣвалъ его въ это платье и затѣмъ отправлялся въ «Малую Аравію», какъ называлась одна изъ его комнатъ.

Комната эта была вся уставлена цвѣтами, пальмами, бамбуками, кедрами; полъ былъ покрытъ персидскими коврами; по стѣнамъ лежали подушки, на которыя садился профессоръ. Здѣсь самъ профессоръ былъ другимъ человѣкомъ: онъ надѣвалъ на голову турецкую шаль, какъ чалму, подвязывалъ длинную сѣдую бороду, надѣвалъ шелковый халатъ, широкія шаровары, желтыя туфли и, несмотря на то, что былъ самый миролюбивый человѣкъ, подвязывалъ саблю и затыкалъ за поясъ кинжалъ, украшенный поддѣльными драгоцѣнными камнями. курилъ двухъаршинную трубку, и лакеи, одѣтые въ восточныя платья, прислуживали ему; у нѣкоторыхъ были даже вычернены лица и руки.

Д. МИТРОХИНЪ. 1912.

Входя въ комнату, мальчикъ долженъ былъ поклониться по-восточному. Тогда профессоръ важно кивалъ ему головою и указывалъ мѣсто возлѣ себя. Затѣмъ у нихъ начинался разговоръ. Возлѣ профессора стоялъ лакей, изображавшій по такимъ днямъ невольника, держа въ рукахъ огромный словарь, и какъ только профессоръ запинался—рабъ подавалъ ему словарь; отыскавъ слово, ученый бойко продолжалъ. Много лѣтъ Альмансоръ жилъ въ столицѣ Франціи, и уже меньше скучалъ по своей родинѣ. Ему было пятнадцать лѣтъ, когда слѣдующій случай измѣнилъ его судьбу. Въ то время французы избрали королемъ своего полководца; это былъ тотъ самый генералъ, который принималъ участіе въ Альмансорѣ, будучи въ Египтѣ. Но Альмансоръ не зналъ объ этомъ. Однажды, идя по мосту, Альмансоръ увидѣлъ своего знакомца. Альмансоръ не зналъ его имени, но рѣшился подойти и заговорить съ нимъ. Поклонясь ему по восточному, онъ проговорилъ привѣтствіе. Тотъ оглянулся, окинулъ его взглядомъ и задумался, какъ-бы припоминая что-то.

— Можетъ ли быть!—воскликнулъ онъ,—Альмансоръ! какими судьбами? Что подѣлываетъ твой отецъ?

Тутъ Альмансоръ горько заплакалъ.

— Стало быть, ты не знаешь, что эти скоты со мною сдѣлали? ты не знаешь, что я съ тѣхъ поръ не видалъ ни отца, ни родины моей!

Воинъ нахмурился.

— Быть не можетъ, чтобы тебя увезли въ то время.

— Да, я здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ вы ушли изъ Египта. Одинъ изъ генераловъ вашихъ отдалъ меня какому-то злому врачу и тотъ колотитъ меня. У меня къ тебѣ просьба,—продолжалъ онъ довѣрчиво,—помоги мнѣ въ моемъ горѣ.

Собесѣдникъ его спросилъ, чѣмъ онъ можетъ ему помочь.

— Видишь, въ чемъ дѣло,—началъ Альмансоръ,—просить у тебя я ничего не стану, ты самъ человѣкъ небогатый,—на тебѣ все та же шинель и шляпа, что были тогда: видно, дѣла твои не поправляются; но вы выбрали себѣ новаго султана и, можетъ быть, ты знаешь кого-нибудь изъ его приближенныхъ?

— Ну? Что же дальше...

— Попроси ты ихъ, чтобы замолвили за меня словечко султану и отпустили меня на родину.

— Пойдемъ со мною, быть можетъ, я тебѣ сейчасъ же устрою дѣло.

— Сейчасъ!—съ испугомъ переспросилъ Альмансоръ,—нѣтъ, теперь я не могу, меня прибьетъ докторъ, мнѣ надо спѣшить домой.

— Что у тебя въ корзинкѣ?—спросилъ тотъ, удерживая Альмансора.

Мальчикъ покраснѣлъ, сначала не хотѣлъ показать, но потомъ рѣшился.

— Вотъ видишь, я долженъ служить этому противному врачу, какъ послѣдній рабъ!

— Ну, не безпокойся; пойдемъ со мною.

Прошли они нѣсколько улицъ, и страннымъ казалось Альмансору, что весь народъ на нихъ смотритъ. Онъ замѣтилъ это своему спутнику, но тотъ молча улыбнулся.

Подойдя къ великолѣпному зàмку, они остановились.

— Здѣсь ты живешь?—спросилъ Альмансоръ.

— Да, въ этомъ домѣ. Пойдемъ!

— Неплохой у тебя домъ! Должно быть, у тебя даровое помѣщеніе отъ султана.

— Да, пожалованное государемъ, — отвѣчалъ спутникъ, вводя Альмансора во дворецъ.

— Знаешь что? — сказалъ онъ, — лучше всего я тебя сейчасъ же отведу къ государю.

Альмансоръ испугался, но мысль быть освобожденнымъ придала ему силы.

— Хорошо, пойдемъ,—сказалъ онъ,—самъ Аллахъ помогаетъ несчастнымъ! Но ты меня поучи, какъ кланяться вашему государю? Въ землю, что ли?

При этомъ вопросѣ генералъ засмѣялся и увѣрилъ Альмансора, что это лишнее.

— А страшенъ онъ?—продолжалъ допрашивать Альмансоръ.

— Нѣтъ, я тебѣ лучше ничего не скажу, ты самъ его узнаешь. Помни только! когда мы войдемъ въ комнату, то всѣ будутъ съ непокрытыми головами, кромѣ одного: самъ государь будетъ въ шляпѣ. Они вошли въ пріемную государя. Въ комнатѣ стояло человѣкъ тридцать съ непокрытыми головами, и Альмансоръ сталъ всматриваться, гдѣ же государь? Но, повидимому, его въ комнатѣ не было. Вдругъ онъ взглянулъ на своего провожатаго, — онъ былъ въ шляпѣ!

Долго глядѣлъ на него въ удивленіи Альмансоръ затѣмъ, снявъ шляпу, сказалъ:

— Насколько я знаю, не я—государь французовъ, а потому я могу снять шляпу: но ты не снимаешь—неужели же ты самъ государь?

— Да, я,—отвѣчалъ тотъ,—но я все тотъ же другъ твой и прошу тебя—не сердись за то, что ты попалъ сюда: даю тебѣ слово, что съ первымъ же кораблемъ ты поѣдешь на родину.

Альмансоръ упалъ на колѣни, цѣловалъ у государя руку и просилъ у него прощенія за то, что не узналъ его,—потому что онъ вовсе не похожъ на государя,—оправдывался мальчикъ.

— Ты правъ, у меня на лбу этого не написано, но я вѣдь и царствую всего нѣсколько дней,—съ улыбкою сказалъ государь.

Съ этого дня зажилъ Альмансоръ счастливо и спокойно. Корабль вскорѣ отправлялся въ Египетъ. Альмансоръ, богато одаренный государемъ, весело стремился на родину.

Но Аллаху угодно было испытать его въ несчастіяхъ: онъ не допустилъ его видѣть родные берега. Англичане взяли въ плѣнъ судно, на которомъ находился Альмансоръ. Всю команду и его въ томъ числѣ пересадили на меньшее судно, на которое напалъ тунисскій катеръ, и людей повезли, какъ невольниковъ, продавать въ Алжиръ.

Тамъ прожилъ онъ шесть лѣтъ у богатаго барина, занимался его садомъ и поливалъ цвѣты. Когда господинъ его умеръ, Альмансоръ попалъ въ руки торговца

невольниками, который въ то время снаряжалъ судно для выгодной распродажи ихъ. Случилось такъ, что и я былъ рабомъ того купца и ѣхалъ на одномъ кораблѣ съ Альмансоромъ; онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь. Когда же мы остановились у пристани, то мнѣ довелось быть свидѣтелемъ дивнаго промысла Аллаха: то были берега его родины, и насъ повели на рынокъ того самаго города, гдѣ родился Альмансоръ, гдѣ жилъ его отецъ и откуда онъ былъ увезенъ французами! А въ довершеніе всего—самъ отецъ купилъ своего сына, какъ раба!

Во время разсказа шейхъ Али-Бану, у котораго французы также нѣкогда увезли сына, сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ; видно было, что онъ увлекся разсказомъ и вдругъ при концѣ какъ будто разочаровался чѣмъ-то.

— А въ какомъ городѣ жилъ онъ? Гдѣ родился?—спросилъ разсказчика Али-Бану.

— Если не ошибаюсь, въ Александріи.

— Александрія! Стало быть, это вѣрно, я не ошибся, это мой сынъ! Гдѣ же онъ? Гдѣ онъ теперь? Не называлъ ли онъ иногда себя Кайрамомъ? Каковъ онъ? темно-русый, съ карими глазами?

— Да, я слыхалъ отъ него и это имя.

— Аллахъ! Аллахъ всемогущій! Какъ же ты говоришь, будто его купилъ самъ отецъ его? Вѣрно ли это? Въ такомъ случаѣ онъ—не сынъ мой.

Тутъ разсказчикъ не могъ долѣе удержаться: слезы радости полились изъ глазъ его, онъ бросился шейху въ ноги и взволнованнымъ голосомъ проговорилъ:

— Нѣтъ, это онъ, сынъ твой, Кайрамъ-Альмансоръ, ты самъ его купилъ.

— Аллахъ! Аллахъ! О чудо! О великое чудо!—заговорили гости, тѣснясь ближе. Шейхъ молча стоялъ, глядя на прекрасное лицо юноши, и былъ внѣ себя отъ радости; онъ не могъ налюбоваться на своего сына. Всѣ друзья и знакомые раздѣляли радость его, и съ того дня домъ шейха снова наполнился весельемъ, какъ въ былые счастливые дни.

51

Маг. 2с
20 р.
6479-Ки

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ
С.П.Б. ЗВЕНИГОРОДСКАЯ 11.